

Эдвард Бис

Деморализация

Эдвард Бис

Деморализация

«Издательские решения»

Бис Э.

Деморализация / Э. Бис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839296-2

Иностранный заключенный тайской тюрьмы высшей охраняемости в ожидании своего освобождения. Вспоминая прошлое, оценивая настоящее, он рассуждает о жизни с казалось бы дразнящей циничностью. Свое прошлое он выставляет как пример для анализа. Простые вопросы: кто он? что он? — оставляет решать читателю. Но он осмеливается определить: кто и что мы, люди? Вечная проблема упадка современников дерзостно рассматривается не теоретиком-философом, а им, практиком уголовных преступлений.

ISBN 978-5-44-839296-2

© Бис Э.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Деморализация

Эдвард Бис

© Эдвард Бис, 2017

ISBN 978-5-4483-9296-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мысли. Не скажу ничего нового, если опишу процесс возникновения мыслей. Они возникают в результате ощущений, чувств и восприятий. Новорожденный младенец, например, реагирует просто: то, что приятно для него – хорошо и желательно, что неприятно – нежелательно. Все его реакции, его лепет и плач ради того, чтобы избежать одних ощущений или состояний и испытать противоположные им. Это – инстинктивные реакции развивающегося организма. Но как скоро окружение начинает формировать для него множество различных ситуаций, так сразу усложняется процесс его восприятий и реакций. Он постепенно начинает реагировать в соответствии с накопленным опытом. А именно – через память своих ощущений и реакций. Этот процесс и есть мышление, и оно невозможно без памяти.

Мышление – это процесс, предполагающий сравнение, сопоставление и возможный, хотя и не обязательный, вывод.

Чтобы начать мыслить – недостаточно желаний. Необходим стимул. Необходима реакция чувств либо сознания. Всё это просто, понятно и, возможно, даже скучно. Не так ли?

Мы бросаем камень в спокойную водную гладь. Камень, попадая в воду, образует всплеск и следом расходящиеся круги – это наши чувства и мысли. Мы не задумываемся над тем, что послужило причиной разводов: всплеск, камень или тот, кто его бросил. Но мы знаем, что произошло вмешательство извне, то есть *стимул*, производящий разводы. В противном случае не было бы ни чувств, ни мыслей.

Если камень бросить не в спокойную воду, а в ту, которая волнуется от порывистого ветра, то круговые разводы скоро собьются либо совсем не проявятся. Так же и мысли. Если в теле бушуют страсти, то мысли глоснут либо вообще не проявляются. В противном случае необходим мощный стимул, «гигантский камень», который своим попаданием поднимет преобладающие волны.

Учитывая это, хочется верить, так как вполне вероятно, чтобы Ньютон дошел до теории тяготения, ему действительно необходим был стимул в виде упавшего на него яблока.

Какой же стимул послужил мне для написания этого рассказа? К каким мыслям привели меня чувства? Смотрите сами, дорогие друзья. Приятного вам чтения.

На днях проходил мимо надзирательского офиса; двигался, не торопясь, в сторону своего шкафчика. Рядом с офисом стоял надзиратель, которого, мне показалось, я не видел ранее. Сообразил: сегодня суббота, день выходной, значит, его перевели в наш блок на временное дежурство. С этим понятно. Посмотрел ему в глаза: взгляд дружелюбный с искоркой курьеза. Подошел ближе, поздоровался по-английски, пожелал доброго утра. Дал понять, что общение мне не интересно; в противном случае поздоровался бы по-тайски. Он же, кивая мне в ответ и здороваясь со мной по-тайски кратким «савади», совершил едва заметное движение телом и рукой. Это не были приказ и даже не просьба остановиться, а нечто намного меньшее. Словно немая присказка к началу дружественного диалога, которая переводится подобно: это... как его... я тут.... В общем, движение, как вдох перед речью. Не успел я остановиться, он меня спросил:

– Когда домой? – подразумевая, естественно, «когда на свободу».

– В следующем месяце, – ответил я и добавил с деланным сомнением. – Если будет амнистия. Будет ли?

– Будет! – ответил он уверенно.

– Наверняка? – спросил я с иронией в голосе, хотя сам уже подозревал его возможное подтверждение. По тюрьме прошел слух, что бумаги на амнистию в августе, в честь 84-летия королевы уже поступили в департамент исправительных учреждений и даже в тюрьму.

– То-о-чно, – протянул он лениво, но без малейшего сомнения в своей правоте.

Я довольный его подтверждением стоял, кивал и не сводил с него взгляда. «Почему он мной заинтересовался?» – задумался я.

– Сколько ты уже отсидел? – добавил он вопрос.

– В следующем месяце будет четырнадцать лет, – ответил я.

– В следующем месяце. А какого числа? – уточнил он.

– В конце месяца. Как раз в последний день месяца.

– Ммм... Амнистия будет двенадцатого, – стал рассуждать он с улыбкой. – Ты сможешь освободиться, не досидев до четырнадцати лет.

– Может быть, – согласился я, силясь распознать в нем причину его заинтересованности.

Он же, уловив в моем взгляде озадаченность, добавил:

– Не узнаешь?

И сразу после этого вопроса я начал вспоминать знакомые мне глаза, прическу и черты.

– Смертники. Пятый блок, – добавил он факты почти сразу.

Ну, конечно! Как же я так? Немного расстроился. Я узнал в этом офицере, пополневшем и с брюшком, другого молодого тайского паренька, надзирателя в сержантских погонах, который был определен в столичную тюрьму Тайланда, переводом с периферии, десять или около того, лет назад. Я сразу вспомнил, что он еще молоденьким, худеньким юношей, облачившись в неудобную, неподогнанную под его комплекцию форму, начал исполнять свои функции надзирателя. Он сконфуженно пялился на заключенных и не знал первое время, как себя поставить. Палка, которую он таскал тогда, доставляла ему только неудобство, и при разговоре с заключенными он не знал, куда ее пристроить, так что, в основном, он ее прятал за спину при разговоре либо упирал один ее конец в землю как трость и загораживал ее своим телом.

Бесспорно, он хотел тогда казаться дружелюбным в силу своего воспитания. Это было видно, понятно всем, и хоть с иронией, но тепло воспринималось всеми смертниками.

Полдня тогда хватило, чтобы каждый узнал, что этот молоденький надзиратель родом из нагорной деревни недалеко от северного Чанг-Мая. Он говорил лисо¹, вроде был даже сам по национальности лисо и с готовностью, даже с внутренней охотой, заговаривал с теми смертниками, которые были родом из его родных мест. Все в нем тогда было просто и открыто.

– Начальник... Ты в порядке? – спросил я его по-тайски, определяя тем самым моё к нему дружелюбное и уважительное отношение.

– В порядке, – подтвердил он, кивая головой.

Передо мной стоял уже не тот худенький мальчик, а повзрослевший, пополневший с грустными и в то же время улыбающимися глазами. Былой простоты и наивности уже не было, хотя доброта проглядывалась. пышная прическа под горшок осталась неизменной и он, как и раньше, стал заметен и определяем именно по ней.

«М-да», – думал я про себя, смотря на него и кивая головой. – Время идет, многое меняется». Он тоже стоял, кивал в подтверждение, выражая этим: «вот... такие дела».

Я помедлил и вздохнул. Он вздохнул тоже. Прошло время.

¹ лисо – национальность и язык народов северного Тайланда

Вспоминая свои прошлые ощущения десятилетней давности, я стал улыбаться и отрицательно мотать головой. Он же смотрел на меня, грустно улыбаясь и, словно воспринимая мои чувства, соглашаясь, кивал в подтверждение.

Прошло еще немного времени. Надо было двигаться. Не стоять же, вздыхая о прошлом. Я громко произнес:

– All right. I should go, sir. Have a good day.

Английская речь была для него как сигнал к окончанию немомого диалога. Заканчивая своё предложение, я уже начал шагать в направлении своего шкафчика. Надзиратель зашевелился, словно отстраняясь с моего пути, хотя этого не требовалось, он находился не в зоне препятствий моему движению.

Так произошла простая, ничем не обязывающая, можно сказать на равных, встреча двух людей. Несмотря на то, что между нами стоял невидимый барьер официальных отношений, в общении этого не чувствовалось.

Тот выходной субботний день я продолжил по расписанному мной плану. Вскоре после этого я уселся за столик в классе и занялся чтением. Хотя книга была не просто интересной, а представляла для меня находку, где автор, – редко для нашего ленивого, литературного времени, – совершил продуктивную с выкладкой работу, я – по какой-то нелепой рассеянности – перестал вникать в читаемый материал. Я сбивался, перечитывал абзацы и не мог толком сосредоточиться на том, что ранее меня влекло как магнит. Я просто вынужден был отложить чтение и заняться другим полезным делом. Что я и сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.